

казанными. Они требовали еще усиленія наказанія: «провести ихъ по деревнѣ, оставить ихъ до праздника съ ярлыками».

Наказанные плакали. Главный преступникъ былъ блѣденъ, губы у него тряслись, глаза дико и злобно смотрѣли на радующихся товарищей. Онъ, не оглядываясь, опустивъ голову, какою-то особенною,—какъ показалось Толстому,—преступною походкой пошелъ домой, и ребята, толпой бѣжа за нимъ, дразнили его какъ-то ненатурально и странно жестоко, какъ будто противъ ихъ воли злой духъ руководилъ ими.

Съ этого времени Толстой замѣтилъ, что этотъ мальчикъ сталъ хуже учиться, и уже его не видно стало въ играхъ и разговорахъ съ товарищами внѣ класса.

Спустя короткое время мальчикъ этотъ снова укралъ, на этотъ разъ нѣсколько копеекъ, изъ комнаты учителя. Опять навѣсили ему ярлыкъ — опять началась та же уродливая сцена.

«Я сталъ увѣщевать его,—разсказываетъ Толстой,—какъ увѣщеваютъ всѣ воспитатели; бывший при этомъ уже взрослый мальчикъ говорунъ сталъ увѣщевать его тоже, повторяя слова, вѣроятно слышанныя имъ отъ отца—дворника. Разъ укралъ, другой укралъ, говорилъ онъ складно и степенно,—привычку возьметъ, до добра не доведетъ.

«Мнѣ начинало становиться досадно. Я чувствовалъ почти злобу на вора. Я взглянулъ въ лицо наказаннаго, еще болѣе блѣдное, страдающее и жестокое, вспомнилъ почему-то колодниковъ, и мнѣ такъ вдругъ стало совѣстно и гадко, что я сдернулъ съ него глупый ярлыкъ; я велѣлъ ему итти, куда онъ хочетъ, и убѣдился вдругъ, не умою, а всѣмъ существомъ убѣдился, что я не имѣю права мучить этого несчастнаго ребенка и что я не могу сдѣлать изъ него то, что бы мнѣ и дворникову сыну хотѣлось изъ него сдѣлать. Я убѣдился, что есть тайны души, закрытыя отъ насъ, на которыя можетъ дѣйствовать жизнь, а не нравоученія и наказанія.

«И что за дичь? Мальчикъ укралъ книгу,—цѣлымъ, длин-